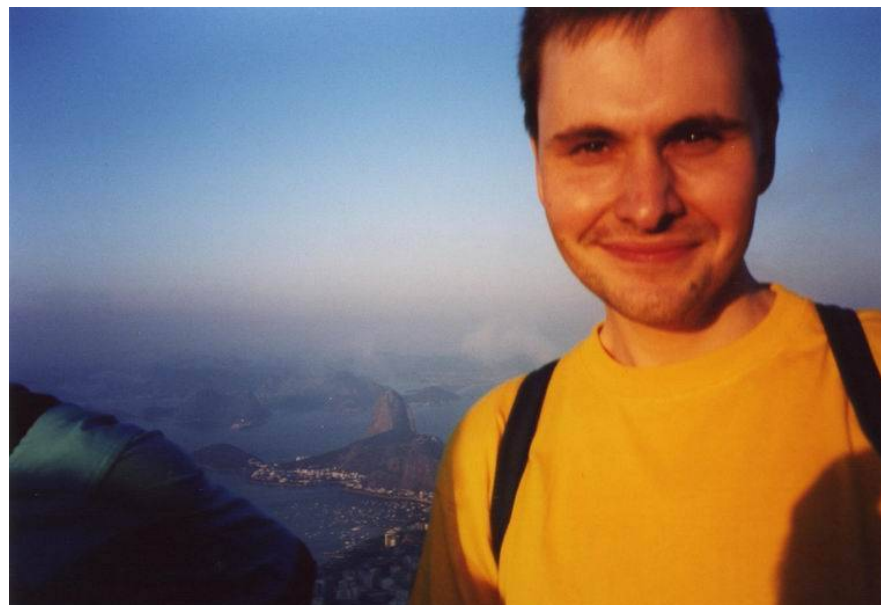

Читать священные тексты

To Read Sacred Texts / Heilige Texte lesen

УДК 1(091)(32)

Жданов В.В.

О лексическом аппарате предфилософской древнеегипетской традиции: пространство и время в системе категорий древнеегипетского теокосмогонического мифа

Жданов Владимир Владимирович, кандидат философских наук, доцент, кафедра истории философии, Факультет гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

E-mail: vvpaulistano@mail.ru

Статья посвящена анализу категорий предфилософского лексикона древнеегипетских мифов теокосмогонического содержания, относящихся к пространственно-временным характеристикам становящегося универсума. На примере основных моделей древнеегипетского теокосмогонического мифа автор рассматривает вопрос как о предфилософском понимании традиционного мифологического нарратива, так и о наделении новым набором контекстуальных значений эмпирически-наглядных по своему характеру категорий мифологического мировосприятия, что в итоге позволяет выделить первые, начальные этапы на пути исторической трансформации мифологического мировоззрения в полноценный философский дискурс. Также на примере базовых категорий древнеегипетских теокосмогонических мифов рассматривается вопрос о генезисе предфилософских категорий в рамках категорий культуры.

Ключевые слова: предфилософия, миф, теокосмогония, мифология, творение, философия, пространство, время, до-временность, Древний Египет.

Говоря о лексическом аппарате, посредством которого выражаются категории предфилософии в культурно-исторических рамках той или иной предфилософской традиции древности, необходимо заметить, что в данном случае было бы совершенно некорректно утверждать неперенный факт наличия в языке этой традиции сформированного и чётко очерченного (как лексически, так и семантически) философского понятийного аппарата, то есть устойчиво употребляющихся в соответствующем корпусе источников абстрактных терминов, служащих для обозначения тех или иных мировоззренческих категорий или характеристик. Утверждение о возможности существования подобного рода философского лексикона применительно к предфилософским традициям с историко-философской точки зрения оказывается абсолютно неверным хотя бы уже потому, что даже в случае с уже возникшей раннефилософской традицией далеко не всегда оказывается возможным вычленив в ней наличие подобного рода лексикона; напротив, многочисленные примеры свидетельствуют, что становящаяся философская мысль на первых этапах своего самостоятельного существования ещё не обретает своего специфического лексического аппарата, оперируя, как правило, традиционными категориями обыденного и/или мифологического мировосприятия, и лишь несколько позже, пройдя через своего рода промежуточный этап формирования собственно философского лексического аппарата (на котором, как правило, языковые категории обыденного мышления и мировосприятия начинают использоваться в новых, прежде не фиксируемых для них значениях), наконец, получает его в относительно самостоятельном виде.

Применительно к древнеегипетской мысли мы имеем основания говорить о существовании в ней не философского, но предфилософского лексикона, то есть представляющего собой лексический набор языковых категорий обыденного, мифологического и религиозно-теологического мышления и мировосприятия, которые, однако, в ряде случаев могут контекстуально приобретать принципиально новую, несвойственную перечисленным формам мышления и

**Жданов В.В. О ЛЕКСИЧЕСКОМ АППАРАТЕ ПРЕФИЛОСОФСКОЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ
В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ТЕОКОСМОГОНИЧЕСКОГО МИФА**

мировосприятия смысловую окраску. Следовательно, анализируя лексикон древнеегипетской мысли на предмет выявления наиболее «насыщенных» в философском аспекте её категорий, мы всегда должны помнить, что даже в случае наиболее абстрактных из них мы имеем дело не с философами, уже существующими и развивающимися в рамках ещё не философского, но префилософского (то есть мифологического и/или теологического по своей форме) дискурса, но с классическими мифологемами, приобретающими на определённых этапах развития мифологии и теологии те или иные аспекты философского содержания.

Более того, если продолжить далее обозначенную нами выше линию сопоставления специфики лексикона древнегреческой и древнеегипетской префилософской традиции, то совершенно необходимо отметить чрезвычайную по своей важности роль в её формировании «языкового фактора», а именно — влияния иероглифического письма на характер и содержание выражающихся посредством его понятий и категорий. В первую очередь, это касается значительно большего по сравнению с греческой префилософской мифопоэтикой элемента наглядности в процессе письменной фиксации этих категорий, что, в свою очередь, «по определению» увеличивает их эмпирический, «мироощущенческий» компонент, одновременно делая гораздо менее явным компонент спекулятивный, «мировоззренческий». Идеография мифологем древнеегипетской мысли является, таким образом, важнейшей их особенностью, которая здесь, в отличие от мифологем (а по сути — протофилософем) древнегреческой префилософии приобретает едва ли не первостепенное значение при определении их смысловой «нагрузки» и ни в коем случае не может быть проигнорирована в рамках историко-философского исследования.

В случае с космогониями, являющимися неотъемлемой частью всякой префилософской традиции, в первую очередь сказанное выше может быть отнесено к категориям, так или иначе связанным с процессом космогенеза. Применительно к сформировавшимся в древнеегипетской мысли основным моделям творения мира отметим, что в данном случае нам видится весьма существенным то отличие, которое в этом случае имеет место между гелиопольской моделью космо- и теогенеза, с одной стороны, и остальными моделями этого процесса, бытовавшими в древнеегипетской префилософской традиции (кроме фиванской, занимающей совершенно особое положение в рамках всей древнеегипетской мысли), — с другой.

Данное различие представляется особенно явным, в первую очередь, на уровне используемых в космогонических текстах глаголов созидательного действия, посредством которых описывается процесс тео- и космогенеза: если для гелиопольской солярной теокосмогонии (и, в первую очередь, для её хронологически ранних образов эпохи Древнего царства) в качестве такового выступает глагол *hpr* («воссуществовать») и его производные (в первую очередь, это, разумеется, касается изысканной игры однокоренных слов в монологе Хепри из «Книги познания воссуществований Ра и ниспровержения Апопа» (папирус Бремнер-Ринд)), то для прочих теокосмогонических моделей гораздо более характерным оказывается использование более «эмпирических» по своей смысловой направленности таких глаголов созидательного действия, как *iri* («делать», «творить») и *km3* («создавать»), а также, разумеется, их однокоренных производных. Идеография глагола *hpr* и его производных базируется, прежде всего, на трёхбуквенной фонограмме *hpr* (L1 по классификации Гардинера [Gardiner 1957, p. 477; Allen 2010, p. 436]) — изображении жука-скарабея (*Scarabaeus sacer*).

Папирус Бремнер-Ринд. Фрагменты. Фото с сайта Британского музея (© The Trustees of the British Museum)

http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details/collection_image_gallery.aspx?assetId=156922001&objectId=113956&partId=1 и http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details/collection_image_gallery.aspx?assetId=156942001&objectId=113962&partId=1

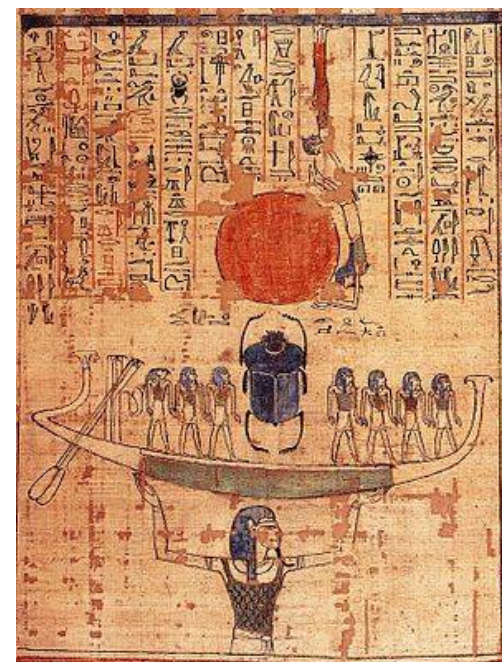
Таким образом, принадлежность их к мифологическому дискурсу не подвергается ни малейшему сомнению: напомним, что главный экспонент гелиопольской теокосмогонии, изложенной в папирусе Бремнер-Ринд — Хепри, воплоще-

Жданов В.В. О ЛЕКСИЧЕСКОМ АППАРАТЕ ПРЕФИЛОСОФСКОЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ
В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ТЕОКОСМОГОНИЧЕСКОГО МИФА

ние восходящего Солнца — традиционно изображается либо в образе скарабея, либо как человек с головой скарабея.

Хепри, утренняя ипостась солнечного бога (слева)
и его изображение в виде священного скарабея (справа)

Восход Солнца в Нуне: Нун, воплощение
первичных вод, поднимает к небесам
барку бога солнца Ра (представленного
одновременно как скарабея и как сол-
нечный диск) в момент первотворения.
Изображение ок. 1050 до н.э.

Однако уже в случае такого значимого в контексте теокосмогонии папируса Бремнер-Ринд производного этого глагола — существительного *hprw* («воссуществования», «формы развития») мы видим некоторый отход в идеографии от «наглядно-мифологических», зооморфных канонов: в качестве его детерминатива неизменно используется знак А 53 («стоящая мумия»), который, по мнению Гардинера, первоначально использовался как детерминатив существительного *wi* («мумия»), однако затем начал применяться в качестве такового и для существительных *twt* («образ», «подобие»), *ki* («форма») и, наконец, для упомянутого выше существительного *hprw* [Gardiner 1957, p. 447]. Аналогичный набор вариантов использования для этого знака приводит и Дж. Аллен [Allen 2010, p. 427].

Конечно, было бы не совсем корректно относить это столь важное в описании процесса теокосмогенеза в папирусе Бремнер-Ринд существительное к числу полноценных мифологем, так как оно не имеет своего полного коррелята в древнеегипетской мифологии и пантеоне (хотя и является однокоренным с причастной формой глагола *hpr*, давшей имя божеству Хепри) — и, тем не менее, наличие в его наборе значений определённого элемента префилософской спекуляции очевидно: «воссуществование» как продукт созидательной деятельности творца (в данном случае — конечно же, Хепри) по характеру своего появления на свет является результатом гораздо менее заурядного процесса, нежели простая деятельность по преобразованию материи, приводящая к созданию статуи, скульптуры или иного рода предмета; в этом отношении весьма показательным и то, что в известных нам текстах существительное *hprw* используется исключительно во множественном числе. При этом его семантическая близость к функционалу Хепри в системе мифологических построений (в первую очередь, в гелиопольской традиции) также не могла не сказаться на особенностях его спекулятивного компонента: мифологическое и религиозное воплощение восходящего Солнца, а также изменчивости создаваемого универсума в процессе космогенеза осуществляет не просто творение мира, но его становление посредством множества своих «воссуществований».

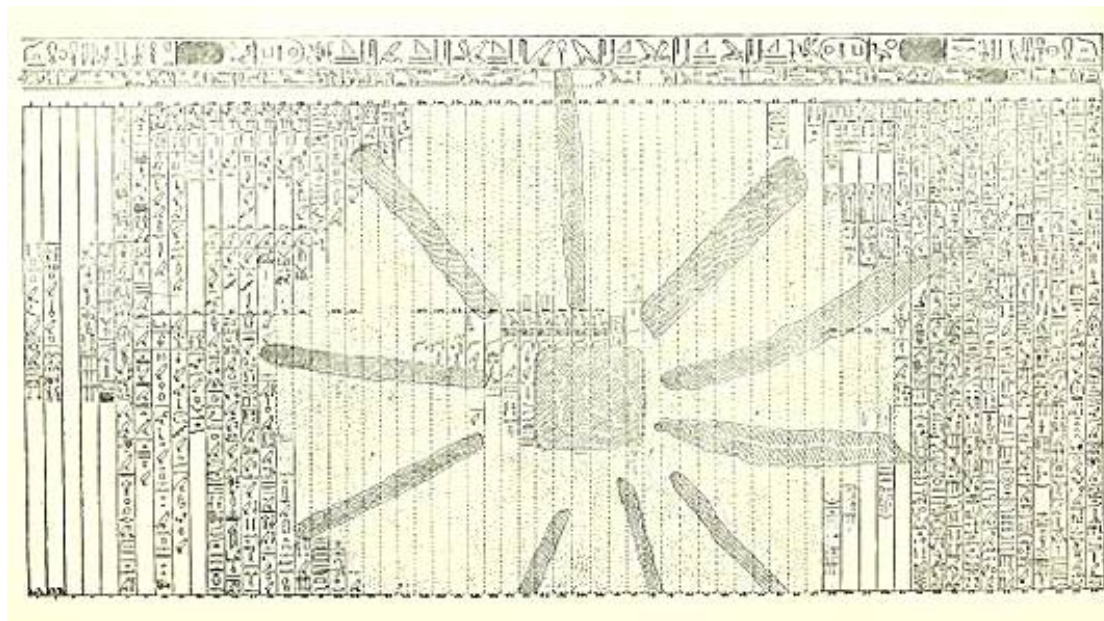
Между тем, в различных моделях теокосмогонического процесса — как в выстраиваемой в гелиопольской теологии посредством глагола *hpr* и его производных, так и в использующих «стандартные» египетские глаголы созидательного действия (например, тот же «Памятник мемфисской теологии» либо гимн творцу из эпилога «Поучения царю Мерикаре») — налицо именно факт придания этим глаголам оригинальной и в корне отличной от нормативов обыденного мировосприятия смысловой «нагрузки», призванной, в первую очередь, особо подчеркнуть и выразить сакральный характер самого процесса творения, принципиально отличающийся (как функционально, так и содержательно) от действий, выражаемых данными глаголами в иных контекстуальных вариантах их использования.

Так, многократное употребление того же глагола *iri* и его производных при описании процесса творения, несомненно, коренным образом отличается по своему смысловому контекстуальному статусу от чрезвычайно широкого его же использования в текстах бытового содержания: несмотря на то, что в обоих случаях используется один и тот же глагол (либо его однокоренные производные), разница между обыденным действием человека, с одной стороны, и действием демиурга, создающего универсум, — с другой, совершенно очевидна. В первом случае мы имеем дело с профан-

**Жданов В.В. О ЛЕКСИЧЕСКОМ АППАРАТЕ ПРЕФИЛОСОФСКОЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ
В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ТЕОКОСМОГОНИЧЕСКОГО МИФА**

ным действием, во втором — с действием сакрального характера; несомненно, что на уровне мировосприятия этот факт отражался самими египтянами довольно чётко и, что самое важное — весьма и весьма последовательно, о чём многократно свидетельствуют источники, рассматриваемые нами в предыдущих главах настоящего исследования.

Вместе с тем, однако, следует всё же помнить, что и в случае с «сакрализованным» контекстным употреблением глагола *iri*, и даже с глаголом *hpr* и его однокоренными производными в гелиопольской теокосмогонии мы имеем дело не с философемами, и даже не с протофилософемами либо каким-либо весьма отдалёнными их подобиями, но лишь с приданием нового, в иных контекстах неведомого им спекулятивного оттенка традиционным категориям мифологического мировосприятия. Собственно, в значительной степени именно в силу данного обстоятельства мы совершенно не можем принять бывшие столь широко распространёнными в начале и в середине прошлого века утверждения исследователей о чрезвычайно высоком уровне предфилософской спекуляции категориального аппарата, используемого при описании процесса творения мира в «Памятнике мемфисской теологии».

Памятник мемфисской теологии (или «камень Шабак») — каменная плита черного гранита с надписью религиозного содержания (слева) и прорисовка текста (справа) по Breasted J.H. "The Philosophy of a Memphite Priest. With a Reproduction of the Memphite Slab." *The Open Court* 1903.8 (1903). PDF-file. <<http://opensiuc.lib.siu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1648&context=ocj>>

Ещё одна группа терминов, которые, несомненно, могут быть отнесены к важным составляющим предфилософского лексикона древнеегипетских теокосмогоний, непосредственно относится к характеристикам создаваемого универсума как своего рода всеохватной целостности, являющейся результатом созидательной деятельности демиурга. Здесь, в первую очередь, необходимо упомянуть используемые в источниках фиванской теокосмогонии эпохи Нового царства категории *nty nbt* («всё, что есть», «которое всё» — *Pap. Boulaq 17 6.2. = Luiselli, III, 26*) и *ntt iwtt* («всё, что есть и всё, чего нет» — *Pap. Leiden I 350, 3—4, V, Zandee*). Эти конструкции, структурно основанные преимущественно на использовании относительных прилагательных «который(-ая)» и «который(-ая) не», в космогонических пассажах Каирского и Лейденского гимнов Амуну-Ра призваны характеризовать не только чисто физические качества создаваемого демиургом (в данном случае — Амуну) мира, но и те его свойства, что выходят за рамки сугубо эмпирического познания и восприятия; таким образом, в данном случае можно говорить об одновременном наличии в данных контекстуальных вариантах использования этих двух категорий как собственно эмпирической (с точки зрения мировосприятия — тем более, что первая из указанных конструкций вообще чрезвычайно часто используется в текстах самого различного содержания, вплоть до сугубо бытовых источников), так и более абстрактной (с точки зрения становящегося в рамках фиванской теологии эпохи Нового царства спекулятивного мышления). Последнее оказывается весьма любопытным в плане сопоставления положения этих двух категорий с одной стороны и глаголов *iri* и *hpr* и их производных по отношению к традиционному мифологическому дискурсу древнеегипетской духовной культуры, — с другой.

Если последние, как мы только что упоминали, даже несмотря на придание им в теокосмогонических текстах определённого уровня абстрактности, всё же неразрывно связаны с семантическим полем традиционной египетской мифологии (в первую очередь, солярной), то в случае контекстуального использования категорий *nty nbt* и *nii iwtt* в текстах фиванской теологии конца Второго переходного периода и Нового царства складывается несколько иная ситуация. Обе эти категории с точки зрения как своего набора значений, так и — что особенно важно — идеографии никак не связаны с семантикой фиванского теолого-мифологического учения об Амуне и используются в текстах этой традиции исключительно для акцентирования внимания на абсолютной всеохватности, своего рода «универсальности» возможностей этого божества как демиурга. Следовательно, в данном случае мы можем говорить об определённом вычленении элементов спекулятивного, предфилософского мышления из русла традиционной мифологической парадигмы — той, в рамках

**Жданов В.В. О ЛЕКСИЧЕСКОМ АППАРАТЕ ПРЕФИЛОСОФСКОЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ
В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ТЕОКОСМОГОНИЧЕСКОГО МИФА**

которой строятся повествования «классических» моделей теокосмогенеза эпохи Древнего и Среднего царства. Прежде всего, именно контекстуальное использование этик категорий в рамках сугубо религиозного текста (коиими, без сомнения, необходимо считать и Каирский, и Лейденский гимны Амуну) всецело определяет и характер их семантического поля: когда Амун постулируется в качестве творца «всего, что есть» или же «всего, что есть и всего, чего нет», неизвестные авторы гимна, наделяя эти конструкции элементом значительно более высокой (по сравнению с текстами более ранних периодов) спекуляции, вряд ли ставили перед собой цели определения метафизических характеристик универсума либо поиска ответа на вопрос о том, как именно или же из чего (как, например, делали это позднее милетцы и Гераклит) он возник. Задача такого «высокоспекулятивного использования» была иной: показать всемогущество Амуну как главного экспонента фиванской теологии и ведущего объекта религиозного культа в эпоху Нового царства.

Ещё одной категорией предфилософского понятийного аппарата древнеегипетской мысли, появление которой в текстах теокосмогонического содержания неразрывно оказывается связанным с фиванской теологией Амуну-Ра эпохи Нового царства, является встречающееся уже в тексте Каирского гимна существительное *wnnt* («сущее», «бытие» — *Pap. Boulaq 17 6.3. = Luiselli, III, 27*). Здесь следует отметить, что из всех египетских глаголов глагол *wnn* («быть», «существовать»), что называется, «по определению» является наиболее важным в онтологическом отношении; естественно, что то же самое можно было бы абсолютно справедливо утверждать и по отношению ко всякой другой языковой традиции, однако в данном случае, когда мы имеем дело с одной из наиболее ранних предфилософских культур Древнего Востока, этот факт приобретает особое значение. Разумеется, что основным вариантом использования этого глагола и его производных опять-таки оказывается сфера обыденного мировосприятия, но применительно к историческому факту наличествования образованного от него существительного *wnnt* в важнейшем источнике фиванской теокосмогонии мы вполне можем утверждать, что в данном случае имеем дело с приписыванием ему известной доли предикатов абстрактного мышления; весьма показательно в данном случае и то, что мы встречаем подобный термин в хронологически относительно позднем источнике древнеегипетской теокосмогонии, время создания которого как минимум на 700 лет отстоит от момента письменной фиксации, например, первых фрагментов «Текстов пирамид»¹, содержащих элементы гелиопольской

¹ «Тексты пирамид» — древнейшее из дошедших до нас произведений египетской религиозной и заупокойной литературы. Название получили по месту нахождения: тексты покрывают стены внутренних помещений пирамид, расположенных в Саккара, некрополе фараонов Мемфиса (2350—2175 гг. до н.э.), в которых были погребены фараон Унас V династии (середина XXIV в. до н.э.) и четыре фараона VI династии — Тети, Пепи I, Меренра и Пепи II Неферкара (XXII в. до н.э.). (Прим. ред.).

теокосмогонии — это может служить несомненным доказательством эволюции и постепенного спекулятивного усовершенствования понятийного аппарата древнеегипетской предфилософской мысли. Естественно, что было бы совершенно наивно и абсолютно некорректно с точки зрения историко-философской методологии пытаться сравнивать эту категорию, а также её антипод *nn wnt* («не-сущее», «небытие»), фигурирующую, как мы помним, в тексте Лейденского гимна Амуну-Ра (*Pap. Leiden I 350, 26, III, Zandee*), с трактовкой этих же самых понятий, к примеру, Парменидом, однако применительно к собственно самому древнеегипетскому предфилософскому дискурсу это, несомненно, существенный шаг вперёд в осмыслении онтологической проблематики, рассматриваемой сквозь призму космогонического процесса. Конечно же, и эта категория, как и рассмотренные нами выше, не может быть отнесена к разряду полноценных философов, но, на наш взгляд, именно она по своему семантическому статусу наиболее приближена к ним из всех категорий предфилософского лексикона древнеегипетской мысли. Примечательно в данном отношении и то, что это существительное (подобно рассмотренным нами выше конструкциям *nty nbt* и *ntt iwtt*) мы встречаем не в текстах собственно мифологического, а именно теологического содержания, но — и в этом, собственно, и кроется фундаментальная особенность использования именно данного существительного — в отличие от них, оно не обладает в своём наборе значений оттенками эмпирического, бытового содержания, иначе говоря — используется исключительно как абстрактная категория.

Конечно, соблазн соотнесения категории *wnnt* в текстах фиванской теологии Амуну-Ра с категорией бытия у элеатов был бы весьма велик, однако и в этом случае (как и в попытках отыскания греческих аналогов для других базовых категорий древнеегипетского предфилософского лексикона) это было бы совершенно некорректно с историко-философской точки зрения. Как и другие предфилософские категории, используемые в источниках фиванской теологии Амуну-Ра эпохи Нового царства, существительное *wnnt* включается в лексикон этой традиции в контексте описания могущества демиургических предикатов Амуну, но не ради выявления онтологических характеристик универсума.

«Сущее» здесь — это, прежде всего, продукт созидательной деятельности Амуну, но, конечно же, не метафизическая категория в полном смысле этого слова; однако даже и в таком виде она значительно превосходит по уровню абстрактности традиционные категории для обозначения создаваемого творцом универсума в более ранних теокосмогонических моделях, например, столь важное для гелиопольской космогонии существительное *hprw*. Показательно здесь и то, что, в отличие от последнего, в идеографии существительного *wnnt* (по крайней мере, если говорить о вариантах его написания, встречающихся в тексте Каирского гимна) зооморфно-мифологический аспект фактически никак не

**Жданов В.В. О ЛЕКСИЧЕСКОМ АППАРАТЕ ПРЕФИЛОСОФСКОЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ
В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ТЕОКОСМОГЕНИЧЕСКОГО МИФА**

выражен ни в написании детерминативов, ни входящих в его состав фонограмм: несмотря на то, что базовая (то есть служащая для написания корневой основы) двухбуквенная фонограмма *wn* (E 34) [Gardiner 1957, p. 461] изображает пустынного зайца, она совершенно лишена той абсолютно явной мифологической «направленности», которой в столь большой степени наделена ключевая для описания теокосмогонического процесса в гелиопольской традиции фонограмма священного скарабея *hpr*.

Фонограмма *wn* — изображение пустынного зайца.

«Сущее» в текстах фиванской теологии — это уже не просто сумма выражаемых в характерных мифопоэтических образах «биоморфных» эманаций Ра-Хепри или же набор «инструментальных» продуктов творения Птаха в «Памятнике мемфисской теологии»: это вся совокупность универсума в его эмпирической и умопостигаемой полноте. Конечно же, эта полнота совокупности в данном случае лишь призвана ещё более подчеркнуть всемогущество и величие создавшего её творца (т.е. Амуна), но сам по себе факт использования в контексте перечисления демиургических предикатов творца подобного рода существительного является большим шагом вперёд на пути становления спекулятивного мышления — пусть и в рамках не собственно философского, но теологического дискурса.

Несомненно также, что к числу основных элементов предфилософского понятийного лексикона, используемого в рамках древнеегипетских теокосмогоний, следует отнести категории, связанные с временными характеристиками создаваемого универсума; к их числу, прежде всего, принадлежат категории *p3(wt)* («изначальная древность», «изначальная старина») и *sp tpi*, («первый раз», «время первотворения») служащие для смыслового оформления представлений об изначальном прошлом в качестве эпохи творения мира.

Склонность к «идеализации» прошлого, приписывания ему совершенно особого, сакрального статуса вообще очень характерна для мировосприятия древнего человека, но применительно к древнеегипетской предфилософской мысли это утверждение оказывается, пожалуй, даже более справедливым, нежели к какой-либо другой предфилософской традиции. Изначальное прошлое — это не просто время начала истории мира; в глазах египтянина это ещё и своего рода «генетическая праоснова» бытия, так как, несмотря на всю свою сакральность и мифологизированность, оно оказывается непосредственным образом связано с мироощущением живущего в настоящий момент времени человека — как через единство истории поколений богов и людей, так и через воспроизведение этого единства в рамках религиозных ритуалов. Это как раз именно то самое «правремя», о состоянии универсума в котором упоминается уже в «Текстах пирамид» (Pyr. 1466 b–d), а многочисленные отголоски этой констатации несколько позднее обильно встречаются как в заклинаниях «Текстов саркофагов», так и в ряде глав «Книги мёртвых». Формула «не воссуществовала тогда ещё смерть» (Pyr. 1466 d), введённая в лексикон древнеегипетской мысли фактически на заре возникновения самой египетской письменной культуры, призвана в данном контексте не только показать всю величину хронологической дистанции, отделяющей «время первотворения» от профанного и обыденного настоящего, но и в известной степени продемонстрировать до-временность этого события, совершенно выходящего за рамки «мироощущенческого» восприятия времени, выражающегося в его переживании человеком. В этом аспекте сакрализация прошлого, основанная, прежде всего, на типично «мироощущенческих» основаниях (доходящих зачастую и до бытового уровня, как-то достаточно характерная и для современного обыденного мировоззрения тенденция к идеализации прошлого), конечно же, весьма гармонично вписывается в набор культурных и ценностных значений для категорий *p3(wt)* и *sp tpi*, но не передаёт, тем не менее, его в полном объёме. В самом деле, если эмпирические характеристики времени, выражаемые в древнеегипетской мысли вполне «мироощущенческой» категорией *rk* (время, период, срок) [Жданов 2003, с. 152–160] ещё вполне возможно соотносить с представлениями о прошлом как о периоде в истории мира, начавшегося с его изменений (в частности, упорядочивания Нуна Солнечным богом, если мы говорим о гелиопольской модели теокосмогенеза), то та часть

**Жданов В.В. О ЛЕКСИЧЕСКОМ АППАРАТЕ ПРЕФИЛОСОФСКОЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ
В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ТЕОКОСМОГОНИЧЕСКОГО МИФА**

временного процесса, что предшествует этому ключевому для всякой древнеегипетской теокосмогонии событию, уже никак посредством существительного *rk* охарактеризована быть не может.

Как мы помним, для египетских мифологических, религиозных и даже дидактических текстов чрезвычайно характерны словосочетания наподобие *rk R^c* («время Ра») или *rk Wsir* («время Осириса»), используемые для обозначения того самого сакрализованного прошлого, но являются ли они абсолютными аналогами категорий *p³(w)t* («изначальная древность», «изначальная старина») и *sp tpi* («время первотворения»)? Такое утверждение, на наш взгляд, верно лишь отчасти, и в первую очередь — применительно к выражению *sp tpi*, так как временной отрезок, обозначаемый им, соответствует началу первых изменений в изначальном хаосе универсума — изменений, с которых начинается сам процесс космогенеза и которые, разумеется, невозможны без участия творца, персонифицируемого в зависимости от версии теокосмогонии различным образом. В этом плане выражение *sp tpi* применительно к гелиопольской теокосмогонии, безусловно, можно обозначить как «время Ра» (*rk R^c*) или «время Хепри» (*rk Hpri*), применительно к мемфисской — «время Птаха» (*rk Pth*) и так далее. Но категория *p³(w)t*, безусловно, гораздо шире по своему значению и обозначаемым ею хронологическим рамкам, так как вполне может обозначать собой не только время творения, но и время до творения: её уже гораздо труднее, если не сказать больше — невозможно — уложить в рамки «мироощущенческого», сугубо эмпирического восприятия времени (и, в том числе, прошлого), обозначаемого существительным *rk*. Не случайно, например, что в «Книге мёртвых», главном памятнике осирической религии и теологии эпохи Нового царства, эта категория «обыгрывается» — пусть и вполне в «классическом», характерном, например, для монолога Хепри из папируса Бремнер-Ринд мифопоэтическом стиле — в монологе Бену, мифической птицы и символа всеобщего возрождения, заявляющего, что «вылетел я из изначального прошлого, воссуществовал я как Хепри» (*p³ n. i m p³(w)t hpr. n. i m Hpri*) [Navelle 1886, S. XCV].

Птица Бену древнеегипетской мифологии — прообраз мифической птицы Феникс.

«Изначальная старина», или «изначальное прошлое» — это не только время творения мира, то есть начала преобразования демиургом Нуна, это ещё и своего рода пора «добытийственного» пребывания мира в Нуне, до поры его пространственного оформления и упорядочивания, выступающих первыми ступенями разворачивающегося теокосмогонического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емельянов В.В. Предфилософия Древнего Востока как источник нового философского дискурса // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 153–163.
2. Жданов В.В. Проблема времени в древнеегипетской мысли // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 152–160.
3. Allen J.P. *Genesis in Egypt. The Philosophy of Ancient Egyptian Creation Accounts*. New Haven: Yale University Press, 1988. 114 p.
4. Allen J.P. *Middle Egyptian. An Introduction to the Language and Culture of Hieroglyphs*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 524 p.
5. Assmann J. *Stein und Zeit. Mensch und Gesellschaft im alten Ägypten*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1991. 334 S.
6. Assmann J. *Steinzeit und Sternzeit. Altägyptische Zeitkonzepte*. München: Wilhelm Fink Verlag, 2011. 354 S.
7. Assmann J. *Zeit und Ewigkeit im alten Ägypten. Ein Beitrag zur Geschichte der Ewigkeit*. Heidelberg: Winter, 1975. 71 S. (Abh. der Heidelberger Akad. der Wiss. Philos. — Hist. Klasse, Jg. 1975. Abh. 1).
8. Bickel S. "Temps lumineux, temps meilleurs? Qualifications de l'origine et de la fin du temps en Egypte"

**Жданов В.В. О ЛЕКСИЧЕСКОМ АППАРАТЕ ПРЕФИЛОСОФСКОЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ
В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ТЕОКОСМОГОНИЧЕСКОГО МИФА**

ancienne." *Representations du temps dans les religions: Actes Du Colloque Organisé Par Le Centre D'histoire Des Religions De L'université De Liège*. Eds. V. Pirenne-Delforge, Ö. Tunca. Liège: Bibliothèque de Faculté de philosophie et lettres de l'Université de Liège, 2003, pp. 43–53.

9. Cornford F.M. *From Religion to Philosophy. A Study in the Origin of Western Speculation*. New York: Harper & Brothers, 1957. 296 p.
10. Gardiner A.H. *Egyptian Grammar. Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs*. Oxford: Griffith Institute and Ashmolean Museum, 1957. 646 p.
11. Loprieno A. "Temps des dieux et temps des hommes en ancienne Egypte." *Representations du temps dans les religions: Actes Du Colloque Organisé Par Le Centre D'histoire Des Religions De L'université De Liège*. Eds. V. Pirenne-Delforge, Ö. Tunca. Liège: Bibliothèque de Faculté de philosophie et lettres de l'Université de Liège, 2003, pp. 123–141.
12. Luiselli M.M. *Der Amun-Re Hymnus des P. Boulaq 17 (P. Kairo CG 58038) (Kleine ägyptische Texte 14. Herausgegeben von H. Altenmüller)*. Wiesbaden: Harrasowitz, 2004. 109 S.
13. Naville E. *Das ägyptische Tottenbuch der XVIII. Bis XX. Dyn.* Berlin: Asher, 1886, Bd. I. 448 S.
14. Servajean F. *Djet et Neheh. Une histoire du temps égyptien*. Montpellier: Université Paul Valéry-Montpellier III, 2007. 142 p. (*Orientalia Monspeliensia*; 18).
15. Zandee J. *De hymnen aan Amon van papyrus Leiden I 350*. Leiden: Rijksmuseum van Oudheden te Leiden, 1947. 158 p. + XXXI p. de pl.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Жданов, В. В. О лексическом аппарате префилософской древнеегипетской традиции: пространство и время в системе категорий древнеегипетского теокосмогонического мифа [Электронный ресурс] / В.В. Жданов // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — Т. 10. — Вып. 1: Пространство и время текста — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_e-ast10-1.2015.81.

**ON THE LEXICON OF PRE-PHILOSOPHIC ANCIENT EGYPTIAN TRADITION:
SPACE AND TIME IN CATEGORY SYSTEM OF
THE ANCIENT EGYPTIAN THEO-COSMOGONIC MYTH**

Vladimir V. Zhdanov, Ph.D., Associate Professor, Chair of History of Philosophy, Department of Humanities and Social Sciences of Peoples' Friendship University of Russia

E-mail: vvpaulistano@mail.ru

My paper is devoted to analysis of the categories of pre-philosophical lexicon of ancient Egyptian cosmogonic myths content related to spatiotemporal characteristics becoming of the universe. On the basis of some main models of ancient Egyptian theo-cosmogonic myth, I consider the question of pre-philosophical understanding of traditional mythological narrative, and the granting of a new set of contextual values of the empirical-descriptive in nature categories mythological worldview, which ultimately allows to select the first steps towards a historic transformation of the mythological worldview into a full-fledged philosophical discourse. Also on the example of the basic categories of ancient Egyptian theo-cosmogonic myths I examine the issue of the genesis of pre-philosophical categories within the categories of culture. This is particularly true of concepts related to the ontological features of the world, such as 'being' or 'evolving', which in ancient Egyptian culture were initially presented with visual images of traditional religion and culture, and their characteristics are reflected in the zoomorphic deity, which was attributed to the functions of the Creator of the world (this primarily relates to a solar deity Khepri in the image of the sacred scarab).

In relation to the categories expressing the temporal characteristics of the world, I demonstrate a special role in their composition ideas about the past, which always has the status of a sacred era and contrasted in the myth category present and future. I emphasize the importance of mythological representations about the origin of the world as one of the first steps of the transformation of the categories of the culture of the ancient peoples of the Eastern Mediterranean in the category of philosophical discourse.

**Жданов В.В. О ЛЕКСИЧЕСКОМ АППАРАТЕ ПРЕФИЛОСОФСКОЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ
В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ТЕОКОСМОГОНИЧЕСКОГО МИФА**

One of the main my tasks is to show that in the most ancient mythologies of the Eastern Mediterranean it is the cosmogonic myths possessed the most abstract vocabulary that distinguish them from other forms of the myth. However also demonstrates the close relationship of the ancient Egyptian myths of creation from the ancient Egyptian cults of the Sun, making the Sun-God (Khepri, Re, Atum) was traditionally considered to be the Creator of the world. I also demonstrate the historical evolution of the ancient Egyptian myths of creation of the world from its most early designs to later forms pre-philosophical speculation, such as Theban cosmogony of the era of the New Kingdom (15th—18th centuries BC).

Keywords: pre-philosophy, mythology, theo-cosmogony, creation, creator, philosophy, space, time, before-temporariness, Ancient Egypt.

References:

1. Allen J.P. *Genesis in Egypt. The Philosophy of Ancient Egyptian Creation Accounts*. New Haven: Yale University Press, 1988. 114 p.
2. Allen J.P. *Middle Egyptian. An Introduction to the Language and Culture of Hieroglyphs*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 524 p.
3. Assmann J. *Stein und Zeit. Mensch und Gesellschaft im alten Ägypten*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1991. 334 S.
4. Assmann J. *Steinzeit und Sternzeit. Altägyptische Zeitkonzepte*. München: Wilhelm Fink Verlag, 2011. 354 S.
5. Assmann J. *Zeit und Ewigkeit im alten Ägypten. Ein Beitrag zur Geschichte der Ewigkeit*. Heidelberg: Winter, 1975. 71 S. (Abh. der Heidelberger Akad. der Wiss. Philos. — Hist. Klasse, Jg. 1975. Abh. 1).
6. Bickel S. "Temps lumineux, temps meilleurs? Qualifications de l'origine et de la fin du temps en Egypte ancienne." *Representations du temps dans les religions: Actes Du Colloque Organisé Par Le Centre D'histoire Des Religions De L'université De Liège*. Eds. V. Pirenne-Delforge, Ö. Tunca. Liège: Bibliothèque de Faculté de philosophie et lettres de l'Université de Liège, 2003, pp. 43—53.
7. Cornford F.M. *From Religion to Philosophy. A Study in the Origin of Western Speculation*. New York: Harper & Brothers, 1957. 296 p.
8. Emelyanov V.V. "Pre-philosophy of Ancient East as a Source of New Philosophical Discourse." *Problems of Philosophy* 9 (2009): 153—163. (In Russian).
9. Gardiner A.H. *Egyptian Grammar. Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs*. Oxford: Griffith Institute and Ashmolean Museum, 1957. 646 p.
10. Loprieno A. "Temps des dieux et temps des hommes en ancienne Egypte." *Representations du temps dans les religions: Actes Du Colloque Organisé Par Le Centre D'histoire Des Religions De L'université De Liège*. Eds. V. Pirenne-Delforge, Ö. Tunca. Liège: Bibliothèque de Faculté de philosophie et lettres de l'Université de Liège, 2003, pp. 123—141.
11. Luiselli M.M. *Der Amun-Re Hymnus des P. Boulaq 17 (P. Kairo CG 58038) (Kleine ägyptische Texte 14. Herausgegeben von H. Altenmüller)*. Wiesbaden: Harrasowitz, 2004. 109 S.
12. Naville E. *Das aegyptische Todtenbuch der XVIII. Bis XX. Dyn.* Berlin: Asher, 1886, Bd. I. 448 S.
13. Servajean F. *Djet et Neheh. Une histoire du temps égyptien*. Montpellier: Université Paul Valéry-Montpellier III, 2007. 142 p. (Orientalia Monspeliensia; 18).
14. Zandee J. *De hymnen aan Amon van papyrus Leiden I 350*. Leiden: Rijksmuseum van Oudheden te Leiden, 1947. 158 p. + XXXI p. de pl.
15. Zhdanov V.V. "The Problem of Time in Ancient Egyptian Thought." *Problems of Philosophy* 2 (2003): 152—160. (In Russian).

Cite MLA 7:

Zhdanov, V. V. "On the Lexicon of Pre-philosophic Ancient Egyptian Tradition: Space and Time in Category System of the Ancient Egyptian Theo-cosmogonic Myth." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya: 'Prostranstvo i vremya teksta'* [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time: Space and Time of Text'] 10.1 (2015). Web. <2227-9490e-aprov_r_e-ast10-1.2015.81>. (In Russian).